

заблуждения разума человеческого с благородными жаром, но без злобы» (Там же. С. 38). В этом отношении показателен, по мнению самого Н. М. Карамзина, пример встречи с И. Кантом. Автор «Писем русского путешественника» описывает свою трехчасовую беседу с великим немецким мыслителем и постоянно восторгается широте мировоззрения философа. Карамзин неоднократно подчеркивает лояльность Канта к инакомыслию, к другой точке зрения. Это, по мнению Н. М. Карамзина, показывает нам И. Канта как истинно просвещенного человека.

Если мы посмотрим на все творчество Н. М. Карамзина, то можем отметить символичность его пути: от «Писем русского путешественника» к «Истории государства Российского». Карамзин начал с того, что показал русскому читателю Европу и видение прогресса, а закончил тем, что открыл тому же читателю Россию и ее историю. Как метко было отмечено: ««Письма русского путешественника» были путешествием в будущее, «История государства Российского» – в прошлое» (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Указ. соч. С. 533).

Путешествие для Карамзина – это познание Природы, Человека, Общества, познание полное, истинное и ни с чем не сравнимое по глубине влияния на сердце и разум путешествующего: «Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 93). И восклицает: «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, гипохондрик, чтобы исцелиться от своей гипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!» (Там же. С. 94). Карамзин одновременно путешествует по современности и по историческому пространству человечества.

Но, пожалуй, самое интересное для Карамзина путешествие – русская история. Он пишет: «Говорят, что наша История сама по себе менее других

занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только для Русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Людовик XI: Царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества... (Там же. С. 252–253).

Да, любое путешествие во времени и пространстве для Карамзина – самое интересное и захватывающее занятие, дающее возможности и для размышления и для литературного творчества. Страны, народы, традиции – все вызывает в нем живое участие. Воспоминания о путешествиях, как думает Карамзин, будут согревать его душу всю жизнь. Но все же, в последнем разделе своих «Писем русского путешественника» он восклицает, видя берега Родины: «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России, и через несколько дней буду с вами, друзья мои!»... Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, что бы говорить по-русски и слышать русских людей» (Там же. С. 388). И все величие мира, европейской цивилизации меркнет перед любовью к Родине. И в этом моменте счастья от любви, переполняющей все сердце человека, он и познает смысл своей жизни, своего предназначения – служение Родине и Богу.

И куда бы он ни направил пути самопознания – в прошлое («История государства Российского») или настоящее («Письма русского путешественника»), вера в великое будущее России постоянно воспевается Н. М. Карамзиным:

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.

Исчезла ночи мгла – уже Авроры свет

В <Москве> блесит, и скоро все народы

На север притекут светильник возжигать...

(Карамзин Н. М. Поэзия // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М., 1989. С. 63).

ВЛ.С. СОЛОВЬЕВ И П.Е. АСТАФЬЕВ: ДВА ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

В.Е. Фомин

Фомин Вадим Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Барнаульского
государственного педагогического университета
(г. Барнаул)

В современных историко-философских исследованиях, посвященных отечественной философской мысли, утвердилось клише исключительной иррациональности русской мысли. Возможно, здесь сказывается эйфория от осознания феномена самобытности русской

философии. Но деление на рациональное, как присуще только западной философской мысли, и иррациональное, отличающее русскую философию от всего остального, будет несколько некорректно.

Русская философская мысль удивительным образом сочетает в себе особенность рационализировать иррационально постигаемые феномены и одновременно с тем иррационально-интуитивно приходить к рационально мыслимым положениям, оправдывая или опровергая их. Здесь нет никакого противоречия, за исключением диалектического. И подобного рода диалектика есть не что иное, как интенция национального духа, лежащего в основе русского способа философствования. Сам же дух также осмысливается двояко. Примером данного тезиса служит полемика П.Е. Астафьева и Вл.С. Соловьева.

В работе, подведшей итог более чем двадцатилетнему занятию философией и психологией, названной «Вера и знание в единстве мировоззрения» (1893 г.), П.Е. Астафьев связывает религиозное «обновление» конца XIX века с проникновением в область духовных идей позитивизма, утилитаризма и рационализма.

Тенденцию сведения содержания религии на практическую нравственность Астафьев прослеживает в учениях Л. Толстого и Вл. Соловьева. В таком мнении Астафьев утверждает на прениях по реферату Вл. Соловьева «О причинах упадка средневекового мировоззрения», где, задав вопрос об отношении личного духа к трансцендентному и взаимодействию религиозной жизни и практически-нравственных житейских задач, он получает ответ Вл.С. Соловьева: «Христианское человечество должно на деле оправдывать свою веру; его задача – воссоединение двух жизней, земной и небесной. Задача эта включает в себя обновление человеческого общества и всей земной природы».¹

Анализ работы Вл.С. Соловьева дал возможность П.Е. Астафьеву убедиться в рационально-позитивистских элементах учения Соловьева «на почве политической, теократической идеи». Необъяснимым оставался бы странный союз с позитивно-утилитарным мировоззрением его давнего и сильного противника – Вл.С. Соловьева, «если бы не его увлечение идеалами теократии, осуществления религиозной идеи всецело в земном опыте» [Там же] – заключает Астафьев. Еще в «Русской идее» Вл. Соловьев писал о национальных различиях, которые «должны пребывать до конца веков» и что народы должны оставаться «обособленными членами вселенского организма». Но то, что он пишет далее, выхолащивает суть метафизики всеединства, поскольку Соловьев, не признавая метафизического единства, проповедует

человечество, которое «должно воплотиться в видимом социальном теле».²

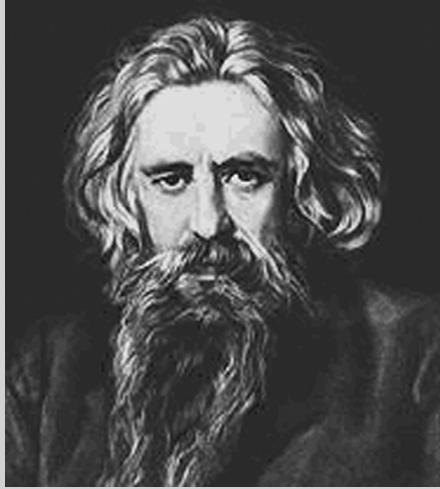
Психолог Астафьев подмечает, что Вл.С. Соловьев настаивает на идее человечества как живого целого, относящегося к народам как тело, целый организм, к своим органам. Он считает, что такое представление об отношении человечества к народам не заслуживает названия «идея» или «понятие», но как образ, такое сравнение «крайне натянуто и фальшиво». П.Е. Астафьев задает вопрос, в котором соловьевская «идея» человеческого организма как целого теряет смысл: «Где и когда был известен организм, не имевший своего единого сознания и воли, и были известны органы его, имеющие свое личное сознание и волю?».³

В большой статье для «Русского обозрения» (вышедшей затем отдельной брошюрой) «Национальность и общечеловеческие задачи» П.Е. Астафьев анализирует соотношение национального и общечеловеческого и, как представляется сегодня, вполне последователен в выводах, что общечеловеческого вообще не может быть без национального. Глубину общечеловеческих идеалов, их мощь и жизнеспособность определяет та почва, которая наполнена национальным духом. Эту же мысль в последствии будет отстаивать и Н.А. Бердяев⁴, правда, без ссылок на своего более раннего предшественника.

В концепции «национального духа» П.Е. Астафьева как самореализующаяся интенция находит выражение и сам национальный дух, проявляясь в форме рефлексии метафизических основ национального самосознания. «Этот дух и вызывает, и ведет умственную или творческую работу ученого или поэта», – пишет Астафьев, считая национальный дух необходимым условием «действительно творческой духовной работы». Национальный дух представляет «определенный, особенный облик, недоступный никогда полному, совершенно точному подражанию того, кто им не проникнут».⁵ Это положение П.Е. Астафьева созвучно мысли, высказанной несколько ранее Ю.Ф. Самариным в статье «Два слова о народности в науке». Для Самарина, интуитивно предугадывавшего существование метафизической реальности, связывающей народ в целое, определенно ясно, что существует некий субстрат национальности, делающий одних людей русскими, других, например, – французами.

Национальный дух, по Астафьеву, не только условие творческой деятельности, но и основа национального самосознания, а следовательно, и национальной философии. Утверждение Вл.С. Соловьева, будто «никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем», приводит Астафьева к грустной шутке:

«Если нет и не может быть русской национальной философии, то нет и не может быть русского самосознания» [Там же]. А это, в свою очередь, приведет к отрицанию русского национального духа, существование которого Вл. Соловьев под сомнение не ставит, признавая, что «народный дух, национальный тип, самобытный характер – все это существует и действует собственной силой». ⁶ Астафьева более всего не устраивает в метафизике национального духа Вл.С. Соловьева его непоследовательность и противоречивость. В статье «К спору с г-ном Вл. Соловьевым», являвшейся ответом на статью-«выпад» Владимира Сергеевича «Самосознание или самодовольство?», Астафьев, проанализировав сочинения своего оппонента в аспекте проблем национальности, приходит к выводу, что «сколько-либо точно и связно взгляда своего на психологическое значение национального духа в личной душевной жизни и ее развитии» Вл.С. Соловьев «не высказал ни в одной из посвященных оценке этого духа статей своих». ⁷

Вопрос о значении в жизни и деятельности человечества национального начала Соловьев решает с позиций «моралиста и публициста». Астафьев видит пафос, прежде всего, в небрежном отношении к понятиям и категориям. Опасность такой публицистичности видится Астафьеву в смешении «Вл. Соловьевым здоровой любви к себе с эгоизмом и здорового самосознания с самодовольством».

Анализируя столь расходящиеся в основных положениях философские концепции, мысленно утверждаешься во мнении, которое следует

подчеркнуть, – интенциональность национального духа в философских конструкциях русских мыслителей различного направления обусловлена метафизическим своеобразием оснований бытия нации, эмпирически выраженных в национально-культурных традициях. Интенциональностью национального духа в русском философском дискурсе является самоактуализирующееся свойство постичь предельные, императивные основы национального бытия. В рассмотренных выше позициях Вл.С. Соловьева и П.Е. Астафьева интенциональность национального духа не зависит ни от общественно-политической ориентации, ни от направления отстаиваемых позиций. Метания и противоречивость Соловьева в национальном вопросе есть не что иное, как попытка рационально конкретизировать метафизическое применительно к социально-историческим реалиям с учетом личной религиозно-нравственной позиции (личный дух). Более взвешенная позиция Астафьева может быть признана как следствие полного, гармоничного взаимодействия личного и национального духа в миросозерцании мыслителя, видевшего свою деятельность как участие в разработке русской национальной философии.

Подобные проявления интенциональности национального духа могут быть обнаружены в философской рефлексии и иных мыслителей. Несомненно, интенцию национального духа мы чувствуем и в воззрениях материалистически ориентированных мыслителей домарксовской эпохи. Интенцию национального духа можно узреть в философии русско-марксистской. Список имен окажется неисчерпаемым. Русская философия потому и русская, что сохраняет определенные императивные основы бытия нации в себе самой и определяет сама себя в своих специфических чертах.

1 Астафьев П.Е. Вера и знание в единстве мировоззрения // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. – М., 2000. – С. 362

2 Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М., 1989. – С. 241

3 Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П.Е. Философия нации... – С.39.

4 Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994

5 Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи. – С. 34-35.

6 Соловьёв В.С. Любовь к народу и русский народный идеал (Открытое письмо к И.С. Аксакову) // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М., 1989. – С. 300.

7 Астафьев П.Е. К спору с г-ном Вл. Соловьёвым // Астафьев П.Е. Философия нации... – С. 67.